

БИБЛЕЙСКИЕ МОТИВЫ И ОБРАЗЫ В РОМАНЕ УИЛЬЯМА ГОЛДИНГА «ПОВЕЛИТЕЛЬ МУХ»

*Работа представлена кафедрой зарубежной литературы.
Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Н. Я. Дьяконова*

Философские взгляды Уильяма Голдинга близки христианскому экзистенциализму, это определяет библейские мотивы и образы самого известного его романа «Повелитель мух», использование в нем стилистики притчи, передающей ее многомерное пространство.

Philosophical views of William Golding are close to the Christian existentialism; this justifies usage of Biblical images and motives in his most popular novel «Lord of the Flies». This creates a specific atmosphere of the novel and renders peculiarities of its ethics and aesthetics.

В своих философско-аллегорических романах Уильям Голдинг обращается к трагическим событиям и проблемам современности, прежде всего к сущности человека и его нравственному облику. Произведения Голдинга породили на Западе целую литературно-критическую индустрию, полную разноречий и даже взаимоисключающих мнений. Его романы часто рассматриваются как религиозные произведения, трактующие христианскую доктрину первородного греха и грехопадения¹. Однако наряду с религиозным толкованием современные критики интерпретируют «Повелителя мух» как иллюстрацию к учениям Фрейда и Юнга, ибо автор объективизирует в персонажах структуру сознания и подсознания, индивидуального и коллективного². Многие литературоведы видят в самом известном романе Голдинга воплощение экзистенциалистской философии, так как герои пытаются противостоять хаосу мира и собственной души³. И наконец, группа зарубежных критиков рассматривает роман как индивидуальное мифотворчество, связанное с античными⁴ или библейскими евангельскими традициями⁵. Большинство исследователей все же склоняются к мнению, что взгляды Голдинга близки

философии экзистенциализма. Однако нам бы хотелось обратить внимание на сочетание экзистенциальных воззрений с идеями христианства в творческом наследии Голдинга, ибо абстрактные категории добра и зла, греха и святости, веры и сомнения, духа и плоти занимают воображение писателя, являются исходной точкой всех его рассуждений о нравственных вопросах.

Голдинг в одном из интервью говорил о своем отношении к религии: «Я не могу не верить в Бога. Надеюсь, что жизни после смерти не существует. Не думаю, что это важно – есть ли жизнь после смерти или нет, если Бог существует... я никогда не был способен не верить в Бога. Я не верю в себя, но я верю в Бога, и более важная проблема – верит ли Бог в меня»⁶. Вопреки традиционным христианским представлениям вера в Бога у Голдинга не сочетается с верой в вечную жизнь. Для писателя важно, чтобы каждый совершал достойные поступки и избегал злых дел «здесь и сейчас», так как нравственное совершенствование зависит от выбора человека и возможно уже по эту сторону жизни. Приведенная цитата, на наш взгляд, является ключевой для понимания творческого наследия писателя, близкого к христианским воззрени-

ям, однако интерпретирующего их не вполне традиционно. Нетрадиционны также и особенности использования библейской символики в романе.

Романы Голдинга определяются как романы-притчи, философские параболы, философско-аллегорические романы или же как трагические аллегии. Так или иначе, во всех попытках жанрового определения прослеживается стремление исследователей указать на философский, индикаторный план повествования. Голдинг дает этому объяснение: «В наши дни дело обстоит так, что любая мысль, которая не стоит того, чтобы ее высказывали, может быть высказана с предельной ясностью, а все, что стоит говорить, может быть донесено до людей только в особой манере мышления. <...> От ясности толку немного, потому что ясных высказываний никто не слышит»⁷. Притчевая форма повествования помогает автору донести «в особой форме мышления» свои идеи до читателя; позволяет создать многомерное пространство романов, где существуют атомная бомба и святые-искупители, видения Бога и дьявола.

Размышляя о природе человека, автор использует библейские мотивы и образы практически во всех своих романах-притчах, среди которых «Повелитель мух» (1954 г.) занимает особое место. Символично само название романа. «Повелитель мух» – калька с древнееврейского «Вельзевул», одного из употребляемых в Библии имен падшего ангела, князя тьмы⁸. Уже заглавие указывает на библейские темы грехопадения, первородного греха, зла, существующего вне и внутри человека, создает многомерное пространство романа, переводя повествование из земной, горизонтальной, плоскости, в которой протекает обыденная жизнь на острове, в духовную, как бы вертикальную, сферу, в которой реальность получает философско-религиозное осмысление.

Таким образом, само заглавие указывает на одну из тем романа – тему первород-

ного греха, зла, присущего человеку от рождения. Голдинг, проработавший учителем много лет, хорошо знал психологию детей. Опыт Второй мировой войны привел его к разочарованию в людской природе. На встрече писателей в Ленинграде в 1963 г. Голдинг говорил о том, что «человечество заражено болезнью», что на протяжении жизни его не раз потрясало то, «как люди могут обходиться друг с другом»; автор находит «эту болезнь в самом доступном месте – себе самом». Отсюда он считает миссию литератора подобной миссии врача: «...писатель ставит диагноз болезни», но для этого ему необходимо «сострадание, сочувствие к другим людям и еще – непреклонность», т. е. «решимость сказать то, что хочешь сказать, что бы потом ни случилось»⁹. Из этих слов следует, что эмоциональной основой отношения писателя к человеку является скорбь, неотъемлемая часть его писательской позиции – сострадание.

Приведенное высказывание Голдинга позволяет говорить о близости его к христианским взглядам. Христианская доктрина о первородном грехе утверждает, что человек изначально «болен» злом; произошло это в результате грехопадения первых людей – Адама и Евы и, как наследственная болезнь, передается из поколения в поколение. Бог знал, что человек не способен самостоятельно преодолеть в себе грех, и сжалился, послав в мир «Сына Своего единородного, дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную»¹⁰.

Святой-искупитель присутствует и в «Повелителе мух». Это Саймон, которого автор описывает как застенчивого болезненного мальчика. Сначала, казалось бы, он ничем не выделяется из группы сверстников, однако по мере развития сюжета Голдинг дает понять, что перед нами существо особенное. То, что для остальных выглядело игрой, забавой, для Саймона явилось Голгофой. Он проходит свой крестный путь: сначала – разговор со Зверем,

Повелителем мух, искушающим, а затем и пытающимся запугать: «Никто тебе не поможет. Только я. А я – Зверь... Но ты же знал, правда? Что я – часть тебя самого? Неотделимая часть! <...> Сам же прекрасно знаешь, что там, внизу, ты со мною встретишься, – так чего же ты? <...> Все это слишком далеко зашло... Я тебя предупреждаю... Ты нам не нужен. Ты лишний, понял? Мы хотим здесь на острове позабавиться. Так что не упрямясь, бедное заблудшее дитя, а не то... мы тебя прикончим. Ясно? Джек, и Роджер, и Морис, и Роберт, и Билл, и Хрюша, и Ральф. Прикончим тебя, ясно?»¹¹ Затем – обретение высшего знания: Саймон обнаруживает погибшего в аварии летчика, тело которого дети принимают за Зверя, и утверждает в мысли, что Зверь обитает не в джунглях, но внутри каждого человека.

Саймон не отступает. В отличие от остальных, заигравшихся в дикарей или поддавшихся страху, он мужественно идет до конца в познании истины. Когда же он пытается донести правду до остальных, его зверски убивают. «Зверски», потому что Саймон действительно «там, внизу» встретился со Зверем, овладевшим душами детей. Предсказание Повелителя мух сбывается.

Описывая Саймона при жизни, Голдинг ничем не выделяет его из круга сверстников, однако после смерти он как бы канонизирует своего героя, причисляет его к лику святых: «Вода двинулась дальше и одела жесткие космы Саймона светом. Высеребрился овал лица, и мрамором статуи засверкало плечо. Странно бдящие существа с горящими глазами и дымными шлейфами суетились вокруг головы. <...> Медленно, в бахромке любопытных блестящих существ, само – серебряный очерк под взглядом вечных созвездий, мертвое тело Саймона поплыло в открытое море»¹². «Странные лучистые создания с горящими глазами», «суевающиеся» вокруг головы мертвого Саймона¹³, составляют как бы нимб мученика.

Протагонистом Саймона в романе является Зверь, Повелитель мух или дьявол. Он, в отличие от библейского сатаны, не персонифицирован и фигурирует в романе как «анархическая аморальная движущая сила»¹⁴, которая скрыто присутствует в душе каждого человека, а затем вырывается наружу, сокрушая все на своем пути. Тем не менее эта сила обретает вид свиного черепа на палке и даже произносит речи. Однако автор не акцентирует внимание на фантастическом алогизме, давая всему психологические мотивировки: так, например, разговор с Повелителем мух объясняется предобморочным состоянием Саймона.

Писатель мастерски создает атмосферу зла, мерзости и запустения: все, что так или иначе сопровождает появление Повелителя мух, подвержено гниению и разложению. Зверя в романе сопровождают свои атрибуты: свиная голова на палке, облепленная мухами, мертвое полуразложившееся тело парашютиста, образы крови, кровавого гноящегося мяса, черно-зеленых жирных мух, маски дикарей, тоже черно-зеленого цвета. Описывая Повелителя мух, Голдинг материализует метафору, играет на периферии буквального и символического значений, от живого к мертвому, от мертвого – к инфернальному.

Обобщая изложенное, можно сказать, что обращение к библейским образам позволяет автору «Повелителя мух» построить повествование как притчу, высказывая свои идеи в «особой форме», выйти за рамки «книги для детей». Присутствие христианских мотивов в романе увеличивает число возможных толкований и таким образом уводит от буквального, придает действию почти космический масштаб, позволяет показать на примере группы детей историю цивилизации. При всей причудливости и необычности символики и стилистики роман Голдинга – часть сложной духовной жизни нашего времени, передает ее трагизм и ее нерешенные и едва ли поддающиеся решению вопросы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Kermode F.* William Golding // *Puzzles and epiphanies.* L.: Routledge & Kegan Paul, 1963. P. 198–213. См. также: *Anderson D.* Is Golding's theology Christian? // *William Golding: Some critical consideration.* Lexington: Univ. of Kentucky press, 1978. P. 1–21; *Burgess A.* The novel now: A guide to contemporary fiction. N.Y.: W.W. Norton & Co., 1967. P. 60–71; *MacEwan N.* Golding's «Lord of the flies», Ballantyne's «Coral Island» and critics // *The survival of the novel: British fiction of the later twentieth century.* 2nd ed. L. Basingstoke: Macmillan, 1983. P. 147–163. См. также в кн.: *William Golding's «Lord of the flies»: A source book / Ed. By William Nelson.* N.Y.: W.W. Norton & Co., 1967 – статьи: *Peter J.* The fable of William Golding. P. 21–35; *Hynes S.* The novels of religious man. P. 70–75; *Green M.* The distaste for the contemporary. P. 75–82; *Cox C.* Lord of the Flies. P. 82–88; *Grande L.* The appeal of Golding. P. 156–160; *Kearns F.* Salinger and Golding: Conflict on the Campus. P. 148–156; *Green P.* The world of William Golding. P. 170–184.

² *Epstein E.* Notes on «Lord of the flies» // *Golding W.* «Lord of the flies». N.Y.: Capricorn Books, 1959. P. 188–192; *Rosenfield C.* Men of smaller growth: A psychological analysis of William Golding's «Lord of the flies» // *William Golding's novel «Lord of the flies»: A source Book.* P. 124–132.

³ *Karl F.* The novel as moral allegory: The fiction of William Golding, Iris Murdoch, Rex Warner and P.H. Newby // *The contemporary English novel.* N.Y.: Noonday press, 1962. P. 254–274; *Boyle T.* Golding existential vision // *William Golding: Some critical consideration.* P. 21–39.

⁴ *Baker J.* William Golding; *Dick B.* William Golding. N.Y.: Twayne, 1967 (Twayne English authors series. N 67); *White R.* Butterfly and Beast in «Lord of the Flies» // *Modern Fiction Studies.* 1964. Vol. XI. Summer. №2. P.163–171; *Gordon R.* Classical themes in «Lord of the Flies» // *Modern Fiction Studies.* 1965–1966. Vol. XI. Winter. N 4. P. 424–427.

⁵ *Smith E.* Some versions of the Fall (The myth of the Fall of man in English literature). L.: Croom Helm, 1973. P.163–203; *Otten I.* After innocence (Vision of the Fall in modern literature). Pittsburg: Univ. of Pittsburg press, 1982. P. 67–78.

⁶ *Haffenden J.* Novelists in interview. New York, 1985. P. 111.

⁷ *Ibid.* P. 95.

⁸ См. Ветхий Завет (4 Цар. 1:1–6, 1:16), Новый Завет (Мф.10:25, 12:24, 12:27; Мк. 3:22, Лк. 11:15, 11:18–19) // Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета. М., 2001.

⁹ Иностранная литература. 1963. № 11. С. 205.

¹⁰ Евангелие от Иоанна 3:16 // Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета. М., 2001. С. 103.

¹¹ *У. Голдинг.* Повелитель мух. М., 2003. С. 130.

¹² *Там же.* С. 138–139.

¹³ *Там же.* С. 138.

¹⁴ *Epstein E.* Notes upon Lord of the Flies. New York, Penguin Group, 2006. P. 205.